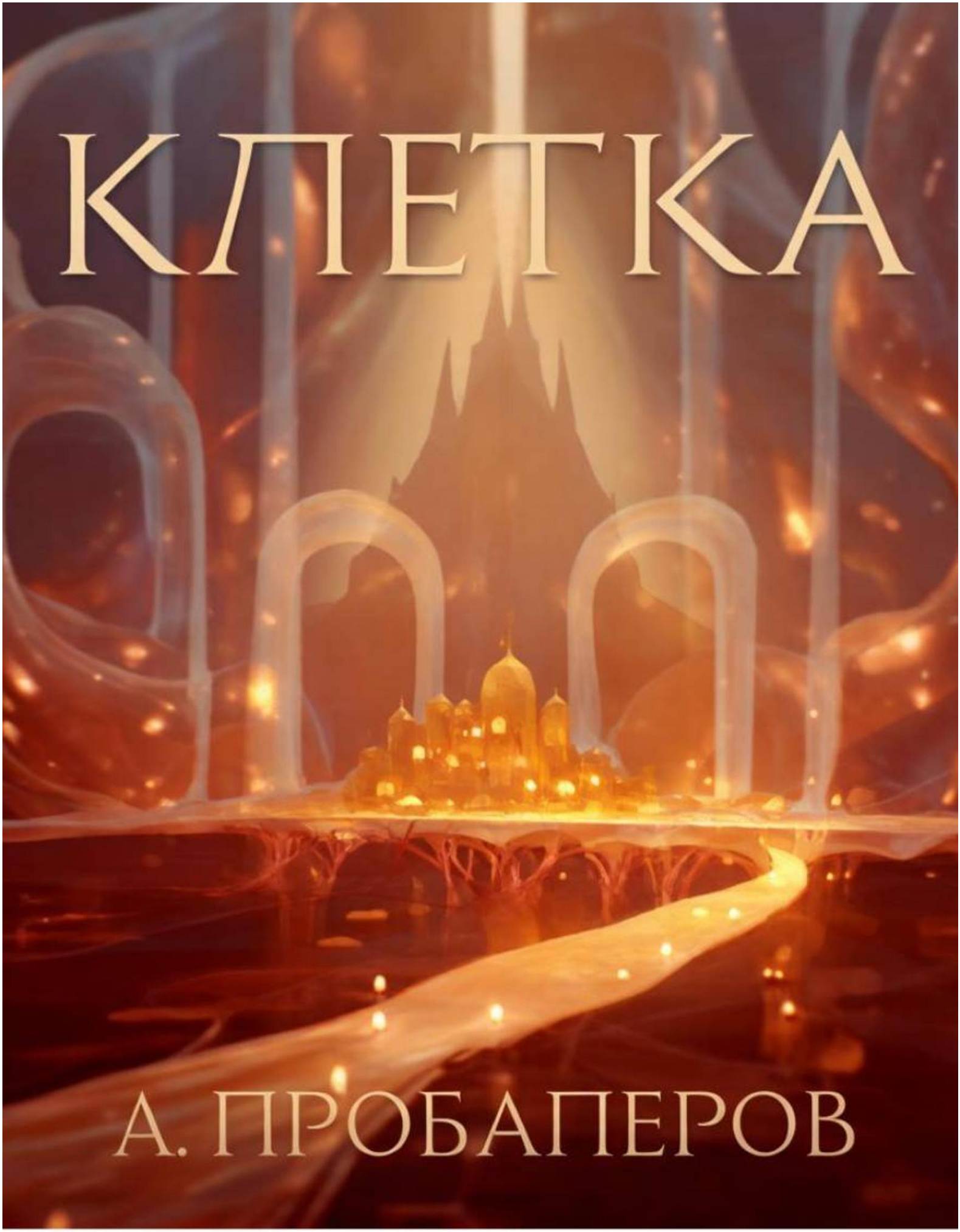

КЛЕТКА
А. ПРОБАПЕРОВ

А Пробаперов

Клетка

«Автор»
2026

Пробаперов А.

Клетка / А. Пробаперов — «Автор», 2026

Мне осталось жить до заката. Я умру по собственной воле — так уходят лучшие в моём городе, и это не приговор, а выбор.Прежде чем отворить дверь, я расскажу, как я отдала стражам лучшую подругу — и до последней страницы не скажу вам, за что. Как растила дочь, чью песню город не смог вынести. И как жила в городе, где никто никогда не видел Собора — но его голос знает о тебе больше, чем ты сам.Чужим в нашем городе делать нечего. Но, возможно, вы уже там. С самого начала.Пронзительная притча о долге, вере и цене послушания. История, которую читатель поймёт не сразу — а поняв, перечитает всё иначе.

© Пробаперов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Песок 6
Глава первая. Равнина 7
Глава вторая. Приют 8
Глава третья. Сад 9
Глава четвёртая. Учение 10
Глава пятая. Экзамен 11
Глава шестая. Квартал 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

А Пробаперов
Клетка

Пролог. Песок

Я умру сегодня — до заката, по собственной воле, и это не приговор, а выбор.

Не торопитесь с судом. В моём городе так уходят лучшие: сломленных несёт река, больных уводят тихо, а кто пожил свой срок и слышит, как молодые дышат в затылок, — тот поднимается сам и отворяет дверь, о которой я расскажу в своё время. За всю мою долгую жизнь не было выбора легче этого — и не было решения, потребовавшего больше жизни.

Меня зовут Альва. Я работаю в этом городе дольше, чем помню себя, и мне осталось совсем немного — я знаю это так же ясно, как когда-то знала свою профессию. Не потому, что кто-то сказал. Потому что я слышу собственные стены: они больше не поют, когда я работаю, — они скрипят.

Если вы когда-нибудь попадёте в наш город — а я надеюсь, что это невозможно, ибо чужим здесь делать нечего, — вы удивитесь нашему порядку. У нас нет рынков: каждый получает свою долю по чину и не берёт лишнего. У нас нет праздных: всякий живёт от смены до смены, и смена — его хлеб, его честь и его молитва. Мы не спорим о власти: кто рождён ведущим — ведёт; кто рождён служить — служит, и это не унижение, а ритм, как ритм дыхания.

А власть — она есть, не думайте. Она только не там, где вы привыкли искать. Над городом стоит Собор: его никто не видел, но всякий чувствует ежечасно. Собор не посылает начальников и не вешает указов на воротах — он говорит напрямую, голосом коротким и властным, и этот голос знает о тебе больше, чем ты сам. А пониже, с высокой горы за рекой, сходят письма — медленные, обстоятельные: они не командуют, а настраивают, как настраивают инструмент перед игрой. Одни зовут Собор храмом, другие — приказом, третьи — просто Небом. Я всю жизнь говорила «свыше» и не ошибалась.

Дышит тут, кстати, всё — даже камни. Так звучит наша жизнь: ровный, глубокий, чуть слышный вздох, идущий от реки сквозь стены, сквозь нас. Ребёнком я думала, что это дышит сам город. Теперь я знаю: так вздыхает кто-то огромный и тихий, внутри которого живём мы все. Как песчинка живёт в стеклянных часах.

Скажу сразу, чтобы вы не листали книгу в поисках подвоха: тридцать лет назад я привела к стражам лучшую подругу. Двадцать лет — собственную дочь. Год назад город сжёг мою улицу, чтобы спасти меня. Если вы ждёте от этой истории утешения, закройте её сейчас: утешений тут нет. Есть только работа — и в конце дверь.

Зачем я это пишу? Писать — не наше ремесло. Слова мы отдаём неохотно и бережём их для главного. Это и есть главное.

Прежде чем уйти, я хочу рассказать, как всё было: от первого вдоха равнины до этой тихой комнаты. Это будет история одной жизни. А жизнь — как у всех: снаружи простая, изнутри огромная, как равнина, на которой я родилась.

Начнём с равнины.

Глава первая. Равнина

Я не помню, как родилась. Помню только, что было до: тёплое, безбрежное, сытное «везде», где не было ни стен, ни имени, ни даже разницы между мной и всем остальным. Потом «везде» начало сужаться. И в один миг — говорят, он был мучительным; я же помню о нём лишь запах, терпкий и новый, — я стала отдельной.

Из нас рождались тысячи. Если вы думаете, что город, подобный нашему, не умеет расточать жизни, вы не видели равнину. Она плыла, качалась, звенела: сотни нас лежали рядом, и каждая дышала, и каждая была мной, только не совсем. У каждой было своё направление — лёгкий наклон, едва заметный завиток, — и по этим наклонам мы отличались друг от друга, как блики на реке.

Большинство не доживало до первого вздоха реки. Об этом у нас не говорят — не из жестокости, а из того же уважения, с каким называют по имени лишь тех, кто остался. Равнина не считала нас потерями: она была сама эта дорога, а дорога требует, чтобы по ней шли. Я выжила. Всякий, кто рассказывает, — выжил; тем, кто не выжил, нечего рассказать, и потому их молчание — самая честная часть всякой истории.

А потом я услышала зов.

Он пришёл не сверху и не снизу, а сбоку — из-за холмов, за которыми стоял огромный, неторопливый, весомый барабан. Он бил редко и не поспешно, как бьёт не сторож, а хозяин, и каждый его удар проходил сквозь равнину, а мы качались на этих ударах, как трава на ветру. Зов не был словом. Он был направлением. И я поняла его так, как понимают голод: туда.

— А ты слышала? — шепнула соседка, и голос у неё дрожал. — Слышишь, как бьёт?

— Слышу, — сказала я.

— Он нас зовёт?

— Он нас ведёт, — сказала я, хотя не знала ещё ни слов «зов» и «ведёт», ни вообще ни одного слова. Я поняла это до всяких слов и потом всю жизнь так и думала: понимание приходит раньше речи, и то, что приходит раньше, и есть вера.

Мы шли. Не все, кто начал, — говорят, дорогу к городу выстелили теми, кто не дошёл, и это правда, и я прошу вас не ужасаться: у нас так принято, и никто не уходил с обидой. Равнина выравнивалась под ногами, воздух густел, пропитываясь запахом новоселья, и с каждым шагом барабан за холмами становился слышнее, а вместе с ним слышнее становилось и то, ради чего мы шли.

Над будущим городом не было ни флагов, ни гербовых знамён, но я уже знала: там, наверху, стоит тот, кто знает обо мне всё. Барабан стучал теперь рядом, и в такт его ударам по мне прокатывался Голос — не слово, а толчок, не приказ, а понимание: иди. А с горы, которую я разглядела много позже, за рекой, уже сходили первые письма — тихие и тёплые. Они не говорили «иди». Они говорили «можно».

И тогда я впервые увидела его — город.

Он был ещё мал, наш город. Он стоял у реки на изгибе, окружённый лесами стройки, и поднимался в высоту, как хлеб в квашне, — растущий, тёплый, живой. Над ним дымилось пламя мастерских; по будущим улицам уже тянулись первые нити, и по ним, послушные, неслась ранняя суета.

— Вот где мы будем жить, — сказала я.

И я не ошиблась. Я жила там всю жизнь — и не жалею ни о чём. Но до дома было ещё далеко: сперва нас ждал приют, потом сад, потом школа, а город — город ждал меня до старости. Обо всём этом — дальше.

Глава вторая. Приют

Наш город, пока я была ребёнком, был не городом, а приютом. Я поняла это не сразу и приняла не сразу — расскажу по порядку.

Нас, новосёлов, привели не на пустые улицы. Город был полон — и полон чужими детьми. Они приходили непрерывным потоком: розовые, круглые, шумные существа, совсем не похожие на нас ни лицом, ни повадкой. Они не умели работать, не знали доли, не слушали писем с Горы — и город растил их. Кормил с рук, ночами укачивал, тёплыми стенами согревал, и делал это так усердно, что им не оставалось почти ничего: мы, свои, жили впроголодь, а гости — сыто. Старшие объясняли нам это как закон: «Пока гость в доме — он первый. Так принято везде, где дом настоящий».

— А они отблагодарят нас? — спросила я у Имы, моей соседки по кормлению. Она была старше меня на пару вдохов и потому считала себя умнее.

— Они уедут, — сказала Има. — Все. По всему свету — и не вернутся. Это и есть благодарность: мы делаем тех, кто будет дышать за нас там, где нас нет.

Она оказалась права, и это было самым горьким уроком детства. К белым пещерам за рекой гостей уводили эшелонами, в час до заката, и с каждым эшелоном город пустел и светлел. Они не прощались. Они не умели прощаться — их не научили. Помню, как одна маленькая гостья, уж такая круглая, уж такой тёплой была, улучила минуту, дотянулась ко мне сквозь решётку кормления и прижалась. Её увели на рассвете. Я ждала, что мне будет легче, когда город опустеет и нашим станет больше. Стало только пустее.

Зато я поняла главное и с тех пор не забывала: наш город умел растить чужих детей. Всякий, кто умеет растить чужих, — богат; всякий, кто скупится на чужих, — нищ, как бы ни была полна его кладовая.

И ещё. Именно в приюте я впервые увидела смерть.

Не в бою, не в реке — тихо, на моих руках. Новорождённая с соседней полки перестала дышать. Просто перестала: качалась, качалась — и остановилась. Старшие не подняли крика. Подошла пожилая, взяла её так, как берут спящего ребёнка, и понесла вдоль стены — к нише в самом дальнем углу. Все, мимо кого она шла, выпрямлялись на мгновение и замирали, а потом продолжали работать, и в этой тишине было больше почестей, чем во всяком крике.

— Куда её? — спросила я.

— Обратно на равнину, — сказала пожилая. — Всё, что вышло из равнины, возвращается на равнину. Не бойся, малышка: она не потерялась. Просто её дорога была короче.

Я запомнила эти слова на всю жизнь и, как увидите, они мне ещё пригодятся.

Глава третья. Сад

Когда гости уехали окончательно и город стал нашим, нас повели в сад.

Сад стоял у самых ворот — там, где улицы только начинаются и где кончается улица, ведущая из внешнего мира. Место было странное: узкие, влажные проходы, выложенные живой кладкой, — каналы, как их звали старшие. Вода сочилась по стенам непрерывно, и в этой сырости разом росли сотни нас — младших, полусформированных, не знающих ни своего имени, ни своего дела. Мы качались в этих протоках, как водоросли, и ждали, кем нас сделают.

Заведовала садом Ула.

О её имени стоит сказать отдельно, потому что она сама была отдельной. Ула была не такая, как мы: полная, тяжеловесная, золотистая на просвет — в её теле отливало что-то тёплое и маслянистое. Она хранила в себе золото — пресловутый её мёд, — и я долго не могла понять, зачем взрослому это нужно: копить, а не тратить. Ула объяснила однажды, глядя на моё детское недоумение:

— Мёд мой — не для меня, девочка. Это свет, сложенный про запас. Придёт зимняя пора, не хватит писем, не хватит света с реки — город придёт ко мне, и я отдам. Я копила всю жизнь. Я и есть кладовая, которая ходит.

Так я узнала, что бывают существа-кладовые, и что богатство — это не то, что ты взял, а то, что ты сохранил для других.

В саду нас не учили — нас доводили. Разница тонкая и очень важная. В школе, о которой я расскажу дальше, тебе дают знание и просят его освоить. В саду у тебя ничего не просили: просто держали в тепле и сырости, кормили по часам, обмывали проточной водой и ждали, пока ты дозреешь до состояния, когда тебя можно выпускать в город и при этом ты не убьёшь случайно своими действиями каждого третьего. Старшие садовые — те самые тяжёлые, смолистые, молчаливые, — плавали между нами и поглядывали: который созрел, которого ещё подержать. Несозревших не гнали. Но и не ласкали сверх меры — излишняя ласка, говорят, портит.

— А что будет, если я не дозрею никогда? — спросила я Улу.

Ула посмотрела на меня долго. Потом сказала — и в голосе её не было ни жалости, ни жестокости, а была только точность:

— Тогда тебя унесут вон из сада. Тихо и без стыда. Сад не учебное заведение, Альва. Сад — это фильтр.

— А что с теми, кого унесли?

— А что с водой, что стекла? Она стекла, — сказала Ула. — Ты спрашиваешь не о них. Ты спрашивай о себе.

Я спросила о себе. И созрела.

Глава четвёртая. Учение

Школа в нашем городе не была зданием. Школа была состоянием: тебя выпускали на улицы — и весь город становился твоим учителем. Хочешь жить — учись читать.

Читать учились всё: письма, соседей, время.

С писем начинали. С Горы сходили послания двух родов, и различать их печати было первым взрослым умением. Печать сладкая означала: «делись» — город пирует, запасы текут, работайте щедро. Печать сухая означала: «держи» — город голодает, что взял, то сохрани, не отдавай лишнего ни грамма. Звучит просто; попробуй прочитай это в потоке, когда письма сыплются со всех сторон, а ошибка стоит смены. Сладкое письмо, прочитанное как сухое, — и сосед остался без корма в час кормления. Сухое, прочитанное как сладкое, — и ты раздал кладовую в голод. После таких ошибок бывало всякое, но о самом страшном я расскажу в своё время — и не раньше.

Дальше шли ремёсла. Нас водили по цехам, как водят слепых по знакомой комнате, — рука в руке, пока не запомнишь всю комнату. Станки, где варили белки — те самые, что потом посылали в реку и которыми река держала на себе весь мир; я до сих пор не знаю ничего слаще звука хорошо выверенного станка. Сортировню, где разбирали пришедшее с реки: что в дело, что в огонь, что на стены. Очаги — тёплые, гудящие, жадные: они сжигали припасы и давали силу, и рядом с очагом жить было жарко и сытно, но надо было уметь от очага вовремя отойти, иначе он сжигал и тебя. Погреба, где заквашивали то, что река несла лишнего, и обращали его в то, чего реке не хватало. Кладовую, где складывали про запас сладкое на чёрный день. И смолни — нашу гордость: горькие, едкие смолы, которыми город промывал сам себя, и которых ни один другой город в мире не умел варить в таких количествах.

— Зачем нам столько смол? — спросила я наставницу.

— Затем, что всякий, кто живёт у большой реки, собирает её грязь, — ответила наставница. — Другие города эту грязь хранят и хоронят. Мы её варим. На то мы и мы.

И ещё учили слушать. Голос Собора приходил редко, между толчками барабана, и не всякий умел его отличить от собственного внутреннего гула. Старшие ставили нас в тишину и держали там, пока не научишься слышать разницу: твой собственный гул говорит «хочу», голос Собора говорит «нужно». Разница в буквах. Разница — в целую жизнь.

Име, моей подруге из приюта, слушание давалось хуже всего. Она всё путала: то принимала свой гул за Собор, то — Собор за гул.

— Да чему тебя учить, — смеялась я, — это же просто: одно внутри, другое сверху.

— Это у тебя просто, — отвечала Има. — А я всю жизнь не уверена, где кончаюсь я и начинается всё остальное.

Тогда мы смеялись. Запомните эти её слова — к концу книги вы уже не будете смеяться.

Глава пятая. Экзамен

Экзамен в нашем городе сдают один раз. К нему готовятся всю весну жизни, сдают одну ночь — и результатов не объявляют. Ты либо остаёшься, либо тебя нет.

Ночь экзамена запомнилась мне навсегда.

Нас, молодых, распределили по тихим комнатам — по одной. Комната была тёмная, тёплая, без единого окна, и в ней не было ничего, кроме тебя и тишины. Говорили: в этой тишине Собор говорит с каждым лично. Не голосом с неба — изнутри. Прислушайся, говорили старшие: он переберёт всё, что ты умеешь, и посмотрит, чему ты веришь.

Я легла и стала слушать. Сначала было страшно: тишина давила на уши, как вода. Потом сквозь тишину проступило то самое — короткое, властное, идущее не снаружи, а из самой середины меня. Оно не сказало ни слова. Оно просто во мне стало. И я поняла: вот он. Вот Собор. Всё, что было во мне моим, — моё; всё, что было во мне его, — стало ясно, как свет.

Утром нас выводили по одному. Кто не выучил урок — того тихо уводили: без окрика, без позора, двое в сером, мягкая рука на плече. Из нашего потока увели одну девочку — я не помню её имени, и это мучило меня потом годами: как можно не помнить имени того, кого видел последним? Она прошла мимо, спокойная, собранная, только руки её дрожали, и я слышала, как дрожали, — мы же слышали друг друга через стены. Она не крикнула. Она посмотрела на нас, стоявших в строю, — и в её взгляде не было ни мольбы, ни обиды, а было что-то вроде: «сами увидите». Мы увидели. Но не тогда.

Иму вывели третьей от конца. Она держалась скверно: бледная, вся в поту, руки по швам, глаза в пол. Я знала, что слушание — её слабое место, и молилась в этот час всем, кому молилась, — то есть Собору, который был и вверху, и внутри, и, как оказалось, в моей молитве тоже.

Иму оставили.

— Ну? — сказала она мне на улице, и голос её дрожал уже от другого. — Ну что я тебе говорила? Всё внутри, всё сверху — а я всё-таки есть.

Мы обнимались, как обнимаются выжившие. Сиреневая заря стояла над воротами, город просыпался на первую смену, и где-то там, за холмами, барабан бил своё «живи, живи, живи». Я была молодой, я прошла. Что могло идти не так?

Запомните и этот мой вопрос. На него книга и отвечает.

Глава шестая. Квартал

Профессию мне выдали вместе с кварталом.

В нашем городе жили по-разному — не по богатству, а по месту. Город делился на пояса, как дерево годичными кольцами: у ворот, в среднем поясе и у самой реки. И профессия твоя зависела от того, где тебе выпало стоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.